

*Чудаан-оол Саяна Сояновна,
магистрант,
Институт права и национальной безопасности Российской академии
Народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
г. Москва*

**ВОПРОСЫ КОНЦЕПЦИИ КОНВЕНЦИОННОГО РЕЖИМА
ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ ЧАСТИ УТВЕРЖДЁННОГО
МЕЖДУНАРОДНЫМ КОММЕРЧЕСКИМ АРБИТРАЖЕМ
МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ ПО СПОРУ ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОМ
ПРАВЕ НА МЕСТО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТОВАРА**

***Аннотация:** Статья посвящена исследованию концептуальных основ конвенционного режима принудительного исполнения части мирового соглашения, утверждённого международным коммерческим арбитражем, в спорах об исключительном праве на наименование места происхождения товара. Автор анализирует проблему арбитрабельности споров об исключительных правах на наименования мест происхождения товаров, механизм оформления мирового соглашения в виде арбитражного решения на согласованных условиях, а также особенности применения принципа делимости (сепарабельности) при частичном исполнении такого решения в рамках Нью-Йоркской конвенции 1958 года. Особое внимание уделяется коллизии публично-правовых элементов охраны наименований мест происхождения товаров с частноправовой природой арбитража.*

***Ключевые слова:** международный коммерческий арбитраж, мировое соглашение, наименование места происхождения товара, принудительное*

исполнение, Нью-Йоркская конвенция, арбитрабельность, делимость арбитражного решения, публичный порядок.

***Abstract:** The article examines the conceptual foundations of the conventional enforcement regime for partial execution of a settlement agreement approved by international commercial arbitration in disputes over exclusive rights to geographical indications (appellations of origin). The author analyses the arbitrability of disputes concerning exclusive rights to appellations of origin, the mechanism for formalising settlement agreements as consent awards, and the specific application of the severability principle in partial enforcement of such awards under the 1958 New York Convention. Special attention is given to the conflict between public law elements of geographical indication protection and the private law nature of arbitration.*

***Key words:** international commercial arbitration, settlement agreement, appellation of origin, enforcement, New York Convention, arbitrability, severability of arbitral award, public policy.*

Настоящая статья подготовлена её автором в Центре сравнительного правоведения Президентской академии (РАНХиГС) с целью апробации результатов магистерской диссертации, выполняемой по образовательной программе 40.04.01 «Международное право, европейское право, международная юридическая практика» (This article is prepared by the Author at the Center for Comparative Law of the Russian Presidential Academy (the RANEPА) in order to approbate the results of a master thesis performed under the Master program 40.04.01 “International law, European law, International practice of law”).

Введение

Глобализация международной торговли и последовательное расширение сферы правовой охраны объектов интеллектуальной

собственности обусловили резкое усиление интереса как практиков, так и исследователей к вопросам разрешения споров, связанных с исключительными правами на средства индивидуализации. Среди данных объектов наименование места происхождения товара (далее — НМПТ) занимает особое место в силу его выраженного публично-правового характера: охрана НМПТ неразрывно связана с государственной регистрацией, обеспечивающей *erga omnes* эффект правовой охраны. Именно данное обстоятельство порождает ключевой вопрос, рассматриваемый в настоящей статье: возможно ли достижение мирового соглашения по такому спору в рамках международного коммерческого арбитража, его утверждение арбитражем в форме *consent award* и последующее принудительное исполнение части такого решения в иностранных юрисдикциях в рамках конвенционного режима Нью-Йоркской конвенции 1958 года.

Практическая значимость данной темы обусловлена статистическими данными: согласно официальным публикуемым Центром ВОИС по арбитражу и медиации данным, в 2022–2023 годах количество дел, переданных на рассмотрение в данный центр, достигло 548 дел в 2022 году и 679 дел в 2023 году, а доля споров, связанных с товарными знаками и иными средствами индивидуализации, устойчиво возрастает [1]. Вместе с тем именно НМПТ представляют наиболее дискуссионный объект с точки зрения арбитрабельности, поскольку их правовая охрана сочетает черты частного и публичного права.

Настоящее исследование построено по методике IMRAD и включает анализ нормативной базы, доктринальных позиций и судебной практики. Основная исследовательская проблема может быть сформулирована следующим образом: при каких условиях часть арбитражного решения на согласованных условиях (*consent award*), вынесенного по спору об исключительном праве на НМПТ, подлежит принудительному исполнению в государствах — участниках Нью-Йоркской конвенции 1958 года, и каков

концептуальный режим такого исполнения с точки зрения соотношения частноправового начала (автономии воли сторон) и публично-правового интереса в охране НМПТ.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы — системный анализ, сравнительно-правовой, формально-юридический, а также историко-правовой подход. Нормативную базу образуют: Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 г.); Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 г. (в ред. 2006 г.); Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС, 1994 г.); Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 г.; Лиссабонское соглашение об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации 1958 г. (в ред. Женевского акта 2015 г.); Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025); Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»; Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025).

Источниковую базу составляют монографические исследования и научные статьи, опубликованные в рецензируемых изданиях, а также актуальная судебная практика российских арбитражных судов, Суда по интеллектуальным правам, практика МКАС при ТПП РФ и международных арбитражных центров — МТП (ICC), Центра ВОИС (WIPO AMC), МКАС Гонконга (HKIAC). Статистические данные заимствованы из официальных публикаций Центра ВОИС по арбитражу и медиации (WIPO AMC Caseload Summary, 2025) [1], а также из доклада Унифицированного патентного суда (апрель 2024 г.) [2].

Результаты и обсуждение

1. Наименование места происхождения товара как объект спора в международном коммерческом арбитраже: проблема арбитрабельности

Наименование места происхождения товара в соответствии со ст. 1516 ГК РФ представляет собой обозначение, содержащее наименование географического объекта и ставшее известным в результате его использования в отношении товара, особые свойства которого исключительно или главным образом определяются характерными для данного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами [3]. Принципиальной отличительной чертой НМПТ по сравнению с товарным знаком является публично-правовой механизм возникновения и удостоверения исключительного права: правовая охрана предоставляется государством на основании административного акта регистрации, что порождает *erga omnes* эффект охраны.

Данная публично-правовая природа НМПТ традиционно рассматривалась в доктрине как фактор, ограничивающий арбитрабельность споров об исключительных правах на НМПТ. В международной литературе данная дискуссия связывается с более общей полемикой об арбитрабельности споров об интеллектуальной собственности, восходящей к противопоставлению *inter partes* природы арбитражного решения и *erga omnes* эффекта права интеллектуальной собственности [4]. Т. Леглер применительно к данной проблематике констатирует: любое право, которым сторона вправе распорядиться путём мирового соглашения, в принципе также допускает арбитражное разбирательство, поскольку, как и мировое соглашение, арбитраж основан на соглашении сторон [5].

Международный сдвиг в пользу расширенной арбитрабельности споров об интеллектуальной собственности нашёл нормативное закрепление в ряде ключевых юрисдикций. Сингапур в 2019 году принял Intellectual

Property (Dispute Resolution) Act, прямо допустив арбитражное разрешение споров, связанных с патентами, товарными знаками, географическими указаниями и иными объектами интеллектуальной собственности [6]. Гонконг закрепил аналогичный подход в Arbitration (Amendment) Ordinance 2017 года, распространив понятие arbitrable IPR disputes, в том числе, на географические указания [7]. Согласно данным ВОИС, число дел, переданных в центр ВОИС по арбитражу и медиации, возросло с 71 нового дела в 2014 году до 679 дел в 2023 году [1].

В российском правовом порядке проблема арбитрабельности споров об исключительных правах на НМПТ решается неоднозначно. С одной стороны, ст. 1248 ГК РФ (ред. от 30.01.2024) разграничивает судебный и административный порядок защиты интеллектуальных прав: вопросы предоставления, оспаривания и прекращения правовой охраны НМПТ разрешаются в административном порядке через Роспатент и далее — через Суд по интеллектуальным правам [8]. С другой стороны, споры об использовании НМПТ, о взыскании компенсации за нарушение исключительного права, о заключении или расторжении лицензионных соглашений относительно правомерного использования зарегистрированного НМПТ лицами, уже обладающими охраняемым свидетельством, содержат арбитрабельное ядро — имущественные требования, допускающие мировое урегулирование.

Судебная практика Суда по интеллектуальным правам 2023–2024 годов демонстрирует, что споры о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на НМПТ отличаются высокой степенью процессуальной сложности в части определения доли правообладателя при наличии множественности правообладателей. Так, в Постановлении СИП от 07.06.2024 № С01-725/2024 по делу № А56-9360/2023 суд подчеркнул необходимость привлечения всех правообладателей НМПТ к участию в деле для корректного определения компенсации [9]. Данный подход существенно

усложняет структуру возможного мирового соглашения, поскольку при множественности правообладателей круг его сторон расширяется.

2. Мировое соглашение в рамках международного коммерческого арбитража: правовая природа и механизм оформления consent award

Международный коммерческий арбитраж как негосударственный юрисдикционный механизм основан на принципе автономии воли сторон. Как отмечает Б.Р. Карабельников, юрисдикция третейского суда основана исключительно на принципе автономии воли сторон в их договорных отношениях [10]. Именно данный принцип открывает возможность для заключения мирового соглашения непосредственно в рамках арбитражного разбирательства.

В международном коммерческом арбитраже мировое соглашение может быть оформлено двумя способами: путём прекращения арбитражного разбирательства и заключения внепроцессуального договора (settlement agreement) либо путём просьбы сторон о фиксации урегулирования в форме арбитражного решения на согласованных условиях (consent award). Второй способ принципиально важен, поскольку именно consent award пользуется конвенционным режимом принудительного исполнения согласно Нью-Йоркской конвенции 1958 года, тогда как внепроцессуальное мировое соглашение может быть исполнено принудительно лишь на основании самостоятельного иска о неисполнении договора или в рамках Сингапурской конвенции о медиации.

Ключевым условием придания consent award качества арбитражного решения в смысле Нью-Йоркской конвенции является наличие различия (difference) между сторонами, рассмотренного арбитражем. Исследователи, анализируя практику международного арбитража, констатируют: необходимым предварительным условием признания решения таковым по

смыслу Нью-Йоркской конвенции является наличие реального различия между сторонами; если стороны назначают арбитраж исключительно для целей фиксации уже достигнутого урегулирования без реального спора, такое решение не подпадает под действие Конвенции [11]. В контексте настоящего исследования это означает, что consent award, вынесенный по спору о нарушении исключительного права на НМПТ, соответствует данному требованию при условии, что спор существовал на момент начала арбитражного разбирательства.

В практике МКАС при ТПП РФ вопрос об утверждении мирового соглашения в форме арбитражного решения на согласованных условиях решается на основании Правил арбитража международных коммерческих споров МКАС (в ред. 23.10.2024, применяемой к делам, исковые заявления по которым поданы начиная с 01.01.2025) [12]. Данный документ закрепляет право трибунала зафиксировать урегулирование в виде арбитражного акта. При этом арбитраж обязан убедиться в том, что consent award не затрагивает права третьих лиц и не противоречит публичному порядку.

3. Принцип делимости (сепарабельности) и конвенционный режим принудительного исполнения части арбитражного решения

Центральной проблемой настоящего исследования является конвенционный режим принудительного исполнения не всего consent award, а лишь его части. Такая ситуация возникает тогда, когда мировое соглашение по спору об исключительном праве на НМПТ содержит разнородные условия, часть которых охватывается арбитражным соглашением и арбитрабельна в соответствии с правом государства принудительного исполнения, а другая часть либо выходит за пределы арбитражного соглашения, либо касается вопросов, не допускающих арбитражного разбирательства по праву государства-реципиента.

Нью-Йоркская конвенция 1958 года содержит прямую норму, закрепляющую принцип делимости. Пункт 1(с) статьи V предусматривает, что в признании и исполнении может быть отказано, если арбитражное решение вынесено по спору, не предусмотренному или не подпадающему под условия арбитражного соглашения, или содержит постановления по вопросам, выходящим за пределы арбитражного соглашения; однако если постановления по вопросам, охватываемым арбитражным соглашением, могут быть отделены от тех, которые им не охватываются, то та часть арбитражного решения, которая содержит постановления по вопросам, охватываемым арбитражным соглашением, может быть признана и приведена в исполнение [13]. Таким образом, принцип делимости прямо закреплён на конвенционном уровне и позволяет исполнить ту часть *consent award*, которая находится в пределах арбитражного соглашения и арбитрабельна по *lex loci executionis*.

Руководство МСКА по толкованию Нью-Йоркской конвенции (2-е изд. на русском языке, 2025 г.) разъясняет, что на государства-участников возлагается центральное обязательство: признавать все арбитражные решения, охватываемые Конвенцией, в качестве обязательных и приводить их в исполнение; при этом каждое государство-участник вправе определить процессуальные механизмы, которые могут использоваться в тех случаях, когда Конвенция не устанавливает каких-либо требований [14]. Это означает, что государство-участник вправе разработать внутренние процессуальные механизмы частичного исполнения, однако не вправе установить более обременительные условия, чем те, что применяются к внутренним арбитражным решениям.

Применительно к спорам об исключительном праве на НМПТ алгоритм применения принципа делимости предполагает следующее. Если мировое соглашение содержит условие о выплате денежной компенсации за прошлые нарушения — такое условие является имущественным, арбитрабельным и

делимым. Условие об определении порядка использования зарегистрированного НМПТ сторонами-правообладателями также может быть арбитрабельным *inter partes*. Напротив, условие о признании недействительной регистрации НМПТ или прекращении правовой охраны, как правило, не является арбитрабельным, поскольку затрагивает публично-правовой элемент системы охраны НМПТ и *erga omnes* статус права.

Судебная практика Российской Федерации подтверждает, что суды неоднократно указывали на недопустимость пересмотра арбитражного решения по существу при применении оговорки о публичном порядке. В.С. Винникова, анализируя данную проблематику, констатирует: российские суды последовательно подчёркивают исключительный характер данного основания для отказа в исполнении и недопустимость его использования вместо специальных оснований, предусмотренных АПК РФ и международными договорами [15]. Данная позиция соответствует общемировой тенденции к узкому толкованию оговорки о публичном порядке при исполнении иностранных арбитражных решений по спорам об интеллектуальной собственности.

4. Специфика концепции конвенционного режима: публично-правовые ограничения и их влияние на частноправовое урегулирование

Концепция конвенционного режима принудительного исполнения части *consent award* по спорам об исключительном праве на НМПТ должна строиться на чётком разграничении двух уровней правоотношений: публично-правового (регистрация НМПТ, административная охрана, регуляторный контроль) и частноправового (имущественные требования сторон, возникающие из нарушений исключительного права, лицензионные отношения, обязательственные условия мирового соглашения). Арбитраж

оперирует преимущественно на втором уровне: он устанавливает права и обязанности исключительно между сторонами.

Принцип автономии воли, лежащий в основе арбитражного соглашения, не позволяет сторонам посредством мирового соглашения изменить публично-правовые последствия государственной регистрации НМПТ — аннулировать охрану или изменить её объём с *erga omnes* эффектом. Как подчёркивается в публикациях ВОИС, результаты процедуры АРС являются в принципе обязательными только для сторон и не затрагивают третьих лиц [16]. Следовательно, часть мирового соглашения, направленная на изменение публично-правового статуса НМПТ, не может быть охвачена *consent award* и не подлежит принудительному исполнению в конвенционном режиме.

Устойчивая тенденция к расширению арбитрабельности споров об интеллектуальной собственности, зафиксированная в международной практике и отражённая в аналитических публикациях DLA Piper (2024) [18] и иных исследовательских источниках, позволяет утверждать, что имущественные споры, связанные с НМПТ, арбитрабельны в большинстве юрисдикций, принявших соответствующее законодательство. Отказ в исполнении частично арбитрабельного *consent award* по ст. V(2)(a) Нью-Йоркской конвенции возможен лишь в части, которая выходит за пределы арбитрабельного предмета по *lex loci executionis*, с применением принципа делимости в отношении арбитрабельной части.

Отдельную проблему представляет ситуация, когда мировое соглашение по спору об исключительном праве на НМПТ предполагает участие нескольких правообладателей одного и того же НМПТ. Позиция Верховного Суда РФ, сформулированная в Обзоре судебной практики № 1 (2023) и подтверждённая в Постановлении СИП от 07.06.2024, требует привлечения к делу всех правообладателей при рассмотрении требований о взыскании компенсации [9]. Это технически усложняет структуру *consent*

award, однако не устраняет принципиальной возможности его вынесения при надлежащей организации арбитражного разбирательства.

Наконец, для формирования концепции конвенционного режима необходимо разрешить вопрос о пределах судебного контроля при исполнении consent award. Согласно пункту 2 статьи V Нью-Йоркской конвенции, в исполнении может быть отказано по мотивам неарбитрабельности и нарушения публичного порядка по инициативе суда. Принципиально важным является то, что условия мирового соглашения, предусматривающие порядок использования НМПТ вопреки требованиям к качеству товара, установленным административными нормами государства охраны, могут нарушать публичный порядок государства исполнения, что служит самостоятельным основанием для отказа в исполнении соответствующей части решения.

5. Данные статистики и тенденции развития практики

Количественный анализ тенденций в сфере разрешения споров об интеллектуальной собственности подтверждает актуальность исследуемой проблематики. По официальным данным WIPO AMC Caseload Summary (обновление 2025 г.), за период 2016–2025 годов Центр ВОИС по арбитражу и медиации рассмотрел более 5 200 дел, связанных с вопросами интеллектуальной собственности, инноваций и технологий [1]. При этом 70% дел, переданных на медиацию ВОИС, завершились достижением урегулирования между сторонами, а 33% арбитражных дел ВОИС — также мировым соглашением. Данная статистика свидетельствует о высоком потенциале примирительных процедур именно в сфере споров об интеллектуальной собственности.

Согласно данным исследования ВОИС о разрешении споров в сфере технологических транзакций (2013 г.), 30% участников включают

арбитражную оговорку в контракты, связанные с интеллектуальной собственностью, а 12% отдают предпочтение медиации [17]. Современная тенденция к использованию АРС в данной сфере устойчиво возрастает: число дел, переданных в ВОИС АМС, выросло с 71 в 2014 году до 679 в 2023 году, то есть более чем в 9 раз за десятилетие [1].

Динамика роста числа дел об интеллектуальной собственности в ВОИС АМС (2014–2024 гг.) представлена в таблице 1.

Таблица 1.

Динамика роста числа дел в сфере интеллектуальной собственности, переданных в ВОИС АМС (2014–2024)*

**Источник: WIPO AMC Caseload Summary, 2025 [1]; прогноз 2024 г. — оценка автора на основе данных 2023 г.*

Год	Число дел ВОИС АМС	Динамика к 2014 г.
2014	71	Исходный уровень
2019	283	+298%
2022	548	+671%
2023	679	+856%
2024*	~700 (прогноз)	Устойчивый рост

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие концептуальные положения относительно конвенционного режима принудительного исполнения части мирового соглашения, утверждённого международным коммерческим арбитражем, по спору об исключительном праве на НМПТ.

Первое. Арбитрабельность споров об исключительных правах на НМПТ носит ограниченный характер: арбитражу подведомственны имущественные требования сторон — требования о взыскании компенсации, об определении условий использования зарегистрированного НМПТ лицами,

обладающими охранным свидетельством, а также иные обязательственные требования. Вопросы регистрации, аннулирования охраны или изменения объёма правовой охраны НМПТ с *erga omnes* эффектом арбитражу не подведомственны.

Второе. Мировое соглашение по такому спору может быть оформлено в качестве арбитражного решения на согласованных условиях (*consent award*) при условии, что спор был реальным на момент начала арбитражного разбирательства, а само соглашение охватывает арбитрабельную часть правоотношений. *Consent award* пользуется конвенционным режимом принудительного исполнения по Нью-Йоркской конвенции 1958 года.

Третье. Конвенционный режим принудительного исполнения части *consent award* основан на принципе делимости, прямо закреплённом в пункте 1(с) статьи V Нью-Йоркской конвенции: та часть решения, которая содержит постановления по вопросам, охватываемым арбитражным соглашением и арбитрабельным по *lex loci executionis*, подлежит принудительному исполнению. Часть решения, затрагивающая неарбитрабельные вопросы, может быть в исполнении отказана без ущерба для исполнения оставшейся части.

Четвёртое. Оговорка о публичном порядке при исполнении *consent award* по спорам об исключительном праве на НМПТ подлежит узкому толкованию и применяется исключительно в случаях, когда само исполнение решения, а не его существо, противоречит основополагающим принципам правопорядка государства исполнения, в частности когда условия мирового соглашения об использовании НМПТ противоречат нормам, обеспечивающим защиту потребителей и подлинность товара, охраняемого НМПТ.

Пятое. Концепция конвенционного режима в данной сфере требует дальнейшего нормативного развития на международно-правовом уровне: расширение круга НМПТ, охраняемых в многостороннем порядке путём

распространения действия Женевского акта к Лиссабонскому соглашению, создаёт предпосылки для формирования специализированных международных правил арбитражного рассмотрения споров об исключительных правах на НМПТ с закреплением принципа делимости при исполнении consent awards в данной сфере.

Использованные источники:

1. WIPO Arbitration and Mediation Center. WIPO AMC Caseload Summary 2016–2025. URL: <https://www.wipo.int/amc/en/center/caseload.html> (дата обращения: 24.02.2026).

2. Agreement on a Unified Patent Court (UPCA). Court of First Instance Statistics. April 2024. URL: <https://www.unified-patent-court.org> (дата обращения: 24.02.2026).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СПС КонсультантПлюс.

4. The Arbitrability of IP Disputes: A Concern of the Past? // Kluwer Arbitration Blog. 2024. 30 August. URL: <https://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2024/08/30> (дата обращения: 23.02.2026).

5. Legler T. Arbitration of Intellectual Property Disputes // ASA Bulletin. 2019. Vol. 37. No. 2. P. 290–310.

6. Singapore Intellectual Property (Dispute Resolution) Act 2019.

7. Hong Kong Arbitration (Amendment) Ordinance 2017.

8. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ст. 1248 (ред. от 30.01.2024) // СПС КонсультантПлюс.

9. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 07.06.2024 № С01-725/2024 по делу № А56-9360/2023 // СПС КонсультантПлюс.

10. Карабельников Б.Р. Международный коммерческий арбитраж: учебник. 2-е изд. М.: МВШСЭН, 2013. 480 с.

11. Enforcement of Settlement Agreements Reached in Arbitration and Mediation // Kluwer Arbitration Blog. URL: <https://legalblogs.wolterskluwer.com/arbitration-blog/> (дата обращения: 23.02.2026).

12. Правила арбитража международных коммерческих споров МКАС при ТПП РФ (ред. 23.10.2024). URL: <https://mkas.tpprf.ru> (дата обращения: 24.02.2026).

13. Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.). Ст. V(1)(с). URL: <https://www.newyorkconvention.org/russian> (дата обращения: 24.02.2026).

14. МСКА. Руководство по толкованию Нью-Йоркской конвенции. 2-е изд. на русском языке. 2025. URL: <https://cdn.arbitration-icca.org> (дата обращения: 24.02.2026).

15. Винникова В.С. Оговорки о публичном порядке в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений // Молодой учёный. 2020. № 36 (326). С. 73–74.

16. WIPO. Why Arbitration in Intellectual Property? URL: <https://www.wipo.int/amc/en/arbitration/why-is-arb.html> (дата обращения: 22.02.2026).

17. WIPO. International Survey on Dispute Resolution in Technology Transactions. Geneva: WIPO, 2013.

18. DLA Piper. Is international arbitration part of your IP protection and enforcement strategy? 2024. July. URL: <https://www.dlapiper.com> (дата обращения: 23.02.2026).

19. Правоприменительная практика по вопросам защиты географического указания и наименования места происхождения товара: анализ проблем и возможные пути их решения (часть 2) // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. URL: <https://ipcsmagazine.ru/articles/1800527/> (дата обращения: 23.02.2026).

20. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 28.03.2024 № С01-1790/2024 по делу № А36-11299/2022 // СПС КонсультантПлюс.

21. New York Convention Guide. Article V(1)(c). URL: <https://newyorkconvention1958.org> (дата обращения: 23.02.2026).

22. Global Arbitration Review. A look to the future of international IP arbitration. 2024. URL: <https://globalarbitrationreview.com> (дата обращения: 23.02.2026).

23. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (ред. от 01.07.2023) // СПС КонсультантПлюс.